

ИСТОРИЯ.СЕВЕР

"Немецкая Атлантида". 80 лет назад Кенигсберг стал Калининградом

31 октября 2026

Германия – Кёнигсберг, Восточная Пруссия. Общий вид города, захваченного Красной армией и разрушенного во время Второй мировой войны

В 1946 году бывший немецкий город Кенигсберг, доставшийся СССР по итогам Второй мировой войны, стали заселять советскими гражданами. При этом в течение еще двух лет в регионе оставались и коренные жители Кенигсберга, по разным источникам около 100–150 тысяч гражданских немцев. К ноябрю 1948 года большую их часть депортировали в Восточную Германию.

Советская армия штурмовала Кенигсберг с 6 по 9 апреля 1945 года. К началу штурма центр Кёнигсберга уже лежал в руинах после массированных британских бомбардировок августа 1944 года. Апрельские бои принесли городу новые разрушения. Улицы были завалены обломками, водопровод, канализация, электроснабжения – все это было уничтожено во время боев. Город предстояло восстанавливать буквально из руин и пепла.

Советская армия осаждает город Кенигсберг в апреле 1945 года

7 апреля 1946 года указом Президиума Верховного Совета СССР была образована Кенигсбергская область в составе РСФСР. 4 июля 1946 года Кенигсберг переименовали в Калининград, а область – в Калининградскую.

Мирные жители проходят через реку Прегель по временным мосткам, возвращаясь в Кенигсберг после окончания боев

Север.Реалии рассказывает, как немецкий город постепенно становился советским.

"Все заброшено было"

Началом массового заселения региона советскими гражданами официально считается 9 июля 1946 года. Тогда Совет министров СССР **постановил** переселить в область 12 тысяч семей колхозников из 23 областей и автономных республик РСФСР, а также Белорусской ССР.

Чтобы поощрить людей к переезду, по советским городам и селам ездили вербовщики. Они обещали льготы и подъемные: по тысяче рублей на главу семьи и по 300 рублей на каждого из остальных ее членов. Семьям предоставляли дома с приусадебными участками площадью до половины гектара, а также льготные кредиты. Выделялись льготные кредиты на покупку скота, строительство, ремонт. Также колхозникам обещали списать все долги перед государством (недоимки по обязательным поставкам сельхозпродуктов), они освобождались от налогов и платежей. Но всех подряд не брали: желающие переехать должны были заполнить анкеты и приложить характеристику с работы, благонадежность кандидатов тщательно проверялась.

Ехать в чужой край было страшно, рассказывает "Север.Реалии" калининградский краевед **Александр** (*мы не называем фамилии собеседников по соображениям*

безопасности – СР):

– Конечно, они все боялись. Ведь тут еще немецкое население оставалось. Все ехали непонятно куда, считайте, в другую страну. В 46-м году только область образовалась, еще несколько месяцев назад это Германия была, а сейчас туда везут на постоянное место жительства. Непонятно было, останется ли область советской. И если молодежь, авантюристы могли рискнуть, то для семей с детьми степень риска была большая.

Но после войны многим терять было нечего. В СССР стоял голод, многие города и деревни лежали в руинах. Люди брали детей, пожитки, уцелевший скот и отправлялись навстречу неизвестности. К началу 1950-х годов численность населения Калининградской области достигла нескольких сотен тысяч человек.

Первые советские переселенцы в Калининград

23 августа 1946 года первые сто семей из Брянской и других областей высадились на станции Гумбиннен (ныне город Гусев). К концу первого послевоенного года в регион приехали уже 12 тысяч семей. Среди них были предки Александра.

– Бабушка с дедушкой приехали в Калининград из Тамбовской области. На тот момент у них уже было пять детей. Уехали, потому что там страшный голод стоял, разорение полнейшее. Поехали от безысходности. К ним как-то пришли

вербовщики и начали агитировать, что мы даем вам корову, деньги. И, естественно, они согласились, – рассказывает краевед.

Дорога на запад из центральной России занимала больше недели. Часть железной дороги, мосты были разгромлены, станции повреждены. Поезда делили на две части: для переселенцев и для их скота. Свою корову везли и родные Александра. Его дед был колхозником. Власти обещали, что уже на месте дадут семье дом, технику, работу.

Поезд привез их на небольшой деревянный полустанок, не доехав до Главного вокзала – сейчас он называется Южным. Мост перед вокзалом был взорван. Семья собиралась ехать в Мамоново, за 50 км от Калининграда, где их уже ждали в местном колхозе. Но в десяти километрах от города машина сломалась – в поселке Шоссейное.

– Они вышли, пошли смотреть, что там. Естественно, все заброшено было, половина домов разбомблена. В уцелевших домах жили немцы. Ну, они пошли искать, что к чему, нашли председателя колхоза. И тот говорит, оставайтесь здесь, дом есть. И они решили остаться, – говорит Александр.

Поселили их в бывшей усадьбе Кальген, в доме бывшего немецкого управляющего. Сам он без вести пропал на войне. В доме жила его бывшая жена. Ее переселили на мансарду, семья заняла первый этаж.

– Немка долгое время жила в доме вместе с ними. Ее одной из последних выселили, в 49-м году аж, когда переселение уже завершалось. Как ее звали, никто не помнит. Когда ее выселяли, за ней сын приехал и забрал ее, – вспоминает Александр рассказы своих предков.

"До выпускного половина пацанов не дожидла"

До войны на территории нынешней Калининградской области проживало более миллиона человек. К сентябрю 1945 года здесь оставалось около 140 тысяч немецких жителей. В первые послевоенные годы в Калининградской области работали не только отдельные школы для советских и немецких детей, но и смешанные. Например, в школе № 6 существовали два немецких класса со своими преподавателями. Дети, жившие здесь до и во время войны, учились на родном языке, но русский изучали как обязательный предмет.

– Занятия проводились отдельно, часто на разных этажах. У мамы была подружка Агнешка, из польской семьи. Дети всегда найдут общий язык, общались на какой-то тарабарщине, суржике, – рассказывает Александр. – Все почему-то думают, что у

нас тут только немцы жили. Но это была Восточная Пруссия – до 10% здесь было поляков, литовского населения много. Семья Агнешки всю жизнь прожила здесь. А потом их собрали и выселили в Германию. То есть, поляков, которые ни разу там не были. Но выселяли всех по паспорту.

Первый эшелон с группой переселенцев из Московской области

Дед и бабушка еще одной собеседницы Север.Реалий **Анны** приехали в Калининград из Оренбургской области.

– Папе было восемь лет, когда они приехали. И он рассказывал, что буквально обожал стадион "Балтика", это было у него самое любимое место тусовки с мальчишками. А еще папа в детстве обожал зоопарк. Они жили рядом и лазали туда через забор. И он очень полюбил немецкую брусчатку, именно тот калининградский, кенигсбергский дух. И очень сожалел, что сейчас многое не сохраняется, – рассказывает Анна.

Любимой забавой детей было лазить по руинам, заброшенным домам. Часто это приводило к трагедиям.

– Мама рассказывала, что каждый раз после летних каникул кто-то из пацанов не приходил в школу – подрывались на снарядах. Все они по полям ходили, находили

снаряды, мины. Мама говорила, что до выпускных классов половина пацанов не дожила, – говорит Александр.

В областном центре его мать впервые побывала лишь лет через десять после приезда, когда училась в средней школе. Это сейчас до Калининграда из Шоссейного 15 минут на велосипеде, а тогда дороги были разрушены, автобусов очень мало. И самое яркое впечатление школьницы – Южный вокзал города.

– Она до сих пор помнит, как там все сияло. Окна все светом залитые, это фойе огромное. Это как средневековые люди в церкви попадали. Она говорит, они спустились в туалеты, и она обалдела от количества плитки белой, белых унитазов. Говорит: я вообще такого не видела. У них в Шоссейке и унитазов не было, она и понятия не имела, что это, – рассказывает краевед.

Советские граждане, оказавшись в бывшем Кенигсберге, многое увидели впервые. У немцев были канализация и водопровод, газовые плиты и голландские печи. Но все это переселенцами не использовалось.

– А как люди могли знать предназначение этих приборов? Как ты узнаешь предназначение этой плиты, если газа нет? Ее разобрали и все. То же самое было с печами-голландками – нафига они нужны, если на них готовить невозможно и поспать на них. У нас дед сразу разобрал ее и сделал русскую печь. Причем поставил ее без фундамента прямо на пол деревянный. И под весом печи пол провалился, и вся печь улетела в подвал, – рассказывает Александр. – Они переделывали быт под свой, не стараясь понять местный быт. Не нужны им были эти голландские печки, унитазы.

"Голод – это главное, что запомнилось"

Когда советские переселенцы заселялись в квартиры и дома, их бывшим владельцам – немцам приходилось "уплотняться", переселяться в мансарду или подвал.

"В подвале нашего дома на улице Гоголя тоже жила немецкая семья: старик, женщина лет сорока и три девочки школьного возраста, – рассказывала переселенка Мария Тетеревлева. – Наши соседи – армянская семья, которые и выселили немцев в подвал, кое-что рассказывали – без злобы, совершенно равнодушно. Им казалось абсолютно естественным выгнать эту семью и также естественно пользоваться их услугами: женщина (кажется, ее звали Марта) шила и стирала одежду, белье моим соседям".

Вид на Ленинский проспект, руины Королевского замка, 60-ые годы

Оставшееся в Кенигсберге после войны немецкое население – это были в большинстве своем женщины, старики и дети. Мужчины – либо погибли, пропали без вести на войне, либо были в плену.

Жертвами голода и болезней в первые послевоенные годы стали десятки тысяч человек – по некоторым данным, до 50% оставшегося здесь коренного населения.

– Если вы рабочий, вас на завод пристроили, тот же завод "Янтарь", вы получаете талоны, в столовой питаетесь. А если работы нет, вы умираете с голода, если вы какой-то пенсионер либо инвалид. Они в первую зиму и вымерли. Это как в блокадном Ленинграде – кто не мог работать, тот помер в первую зиму. Остались потом только те, кто работал и мог по карточкам хлеб получить, – рассказывает Александр.

Те, кто не мог устроиться на работу официально, старались прибиваться к воинским частям: стирали, убирали, готовили, шили для переселенцев, чтобы иметь хоть какую-то еду.

После войны в регионе начали создавать приюты и детские дома для немецких сирот. К концу мая 1946 года в 19 таких учреждениях находились почти 2,5 тысячи детей, но и там не хватало еды, одежды, лекарств и воспитателей. Дети

продолжали голодать. В некоторых детдомах какое-то время еще работали немецкие воспитатели, католические священники и монахини.

Одним из воспитанников такого детдома был бывший житель Кенигсберга **Герхард Шредер**. В 1945 году ему было десять, а его брату – шесть лет.

– Мы с братом жили вместе с мамой, бабушкой и дедушкой в разрушенном городе. Потом бабушка и дед умерли, а мама сильно заболела. За четыре недели до своей смерти она отвела моего брата и меня на виллу в Марауненхофе (*один из районов Кенигсберга, – СР*). Там католический священник и пять монахинь принимали детей, оставшихся без родителей. Мой брат тоже умер после войны. А я оказался в доме священника. Никакого снабжения не было. Вся жизнь заключалась в поисках чего-нибудь съедобного, – рассказывает Шредер Север.Реалии.

Герхард Шредер, бывший житель Кенигсберга

Позже он оказался в детском доме № 2 в Марауненхофе.

– Там тоже кормили очень скудно. Не было одежды и лекарств. Но сильнее всего мучил голод. Голод – это главное, что запомнилось. Мы постоянно искали что-то съедобное, какие-то дикорастущие растения, – вспоминает Шредер.

11 октября 1947 года Совет министров СССР принял секретное постановление о переселении немцев из Калининградской области в советскую зону оккупации Германии.

К тому моменту детдом, где находился Герхард, перевели в Хайнрихсвальде (современный Славск, в 90 км от Калининграда). 26 октября 1947 года детей вывезли в Германию.

– Об отъезде сообщили за день. Куда отправляют, не сказали. Из одежды у нас было только то, что было надето на нас. Нас было пятьдесят детей. Везли нас в товарном вагоне для перевозки скота. Дорога до Пазевальк в Мекленбурге заняла около семи дней. И здесь мы мучались уже не от голода. Самым страшным была жажда, – рассказывает он.

По воспоминаниям других бывших жителей Кенигсберга, детей из детских домов перевозили в товарных вагонах без соломы, одеял и туалетов. Им приходилось по несколько суток сидеть на голых досках. Воспитанники детдомов, а еще старики и нетрудоспособные, стали первыми, кого принудительно вывозили из Калининграда.

В итоге Герхард вместе с другими воспитанниками оказался в детдоме под Заафельдом в Тюрингии. Детдом располагался в замке Кениц.

А уже через месяц его нашла родная тетя и забрала в Берлин.

– Она услышала по радио объявление о розыске детей и через Красный Крест узнала, где я нахожусь, – вспоминает Герхард Шредер.

Тогда же она рассказала ему, что жив и находится во французском плену его отец. До 1948 года Герхард жил со своей тетей. А потом произошла блокада Западного Берлина: советские власти перекрыли наземные и водные пути, связывавшие западные секторы города с западными зонами Германии. Союзники стали доставлять продукты и топливо самолетами, которые берлинцы прозвали "изюмными бомбардировщиками": летчики сбрасывали детям сладости на маленьких парашютах. На одном из таких самолетов мальчика вывезли в Любек, где он поселился у других родственников.

– В Любеке я жил у дяди и тети, в одной комнате с ними, пока в середине 1949 года моего отца не освободили из плена, – рассказывает Шредер свою историю.

В 1949 году вместе с отцом он поселился в Дармштадте. Через два года окончил там же школу.

– Из трех пропущенных лет учебы мне удалось наверстать два, после чего я поступил в профессиональное обучение. В 1962 году я женился. Мы вырастили

двоих детей. У меня четверо внуков и одна правнучка, – говорит Шредер, которому в этом году исполнилось 92 года.

В целом же с октября 1947-го по октябрь 1948-го из бывшего Кенигсберга были вывезены более 102 тысяч немцев, в том числе 33 тысячи детей. О предстоящем отъезде людей нередко предупреждали всего за сутки. С собой разрешалось взять до 300 килограммов имущества на семью. Немцев доставляли к железнодорожным станциям и эшелонами вывозили в советскую зону оккупации Германии. Перед отправкой переселенцам полагался сухой паек на 15 суток. Его стоимость составляла 80 рублей, а тем, у кого не было денег, продукты должны были выдавать за государственный счет. До границы СССР двери вагонов оставались закрытыми.

"Секундочку! Вот тут забыли..."

Накануне штурма Кенигсберга его жители спешно покидали город, но многие надеялись вернуться. В землю закапывали вещи – ценные и не очень, прятали имущество в тайниках.

– Мои бабушка с дедом поселились в районе улицы Родителява, это исторический район, – рассказывает Анна. – Там был большой сад. И дед сразу стал переделывать его в огород. И вот они копали-копали-копали и выкопали какую-то кастрюлю. А внутри столовое серебро и какие-то монеты.

Семья решила кастрюлю со всем содержимым сохранить. Ее поставили в подвал и забыли.

– Ну, это надо было знать моего дедушку. Он был довольно суровый человек, очень принципиальный. Ну, и они неплохо жили, у деда была зарплата, потом какие-то пенсии. Они даже тот огород копали, не потому что было нечего есть, а потому что это была норма. Никто не понимал, зачем сад возле дома, – говорит Анна.

В 90-е годы, когда открылись границы, и в Калининград поехали тысячи бывших жителей Кенигсберга. В тогдашней Германии Калининград воспринимали, как "немецкую Атлантиду".

– Это был 91-й или 92-й год. Папа мой как-то ковырялся в саду, и приходят какие-то люди с переводчиком. И говорят: мы родственники прежних жильцов, приехали посмотреть, как тут они жили. И тут папа такой: "Секундочку! Вот тут забыли...". И приносит им тот горшок с серебром. Они были в шоке. И самое интересное, что они узнали это серебро – там оказались инициалы семьи. Это был же район генеральских домов, семья была зажиточной, – вспоминает Анна.

По ее словам, еще какое-то время родители обменивались со своими немецкими знакомыми открытками на Новый год.

– Немцы закапывали вещи, потому что надеялись через год-два вернуться. Простые тарелки, столовые приборы, не обязательно серебро – все прятали. Никто же не знал, что это навсегда. Я с металлоискателем ходил по двору, но в советское время там столько водки было выпито, с пробками, которые фонят, как золотые монеты. Копал и только водочные пробки находил. Единственное, что однажды в огороде нашел вилку серебряную. Мать мне рассказала, там дорога на Данциг была в 45-м, по которой шла массовая эвакуация. И бомба попала в обоз с беженцами. И вся подвода повисла на деревьях. Конская упряжь, скелеты лошадей – все на дереве очень долго потом висело. И вилка, скорей всего, от этого случая, – вспоминает Александр.

Кафедральный собор Кенингсберга

В 90-х в Калининград ехали многие немцы – жившие здесь до войны, или их потомки. Они вспоминали город, которого больше не существовало. Немецкая журналистка Марион Дёнхофф, вернувшаяся сюда еще в 1989 году поражалась, настолько мало он напоминал Кёнигсберг ее молодости. "Было все серое, однообразное – конечно, их это не очень радовало", - рассказывала экскурсовод Лариса Селезнева, сопровождавшая немецкие группы.

Туристы часами искали места, где когда-то стояли их дома. Иногда случались и неожиданные встречи с прошлым. В конце 90-х один немец приехал в Советск и узнал дом своего детства. "У меня сердце сжалось, когда он кинулся к печке и стал ее обнимать", - [вспоминала хозяйка дома Мария Таран](#). Для одних поездка становилась болезненным столкновением с изменившимся городом, для других – возможностью хотя бы ненадолго вернуться домой.

Тогда же в Калининграде побывал и Герхард Шредер. Примечательно, что город он до сих пор называет Кенигсбергом.

– Начиная с 1995 года я несколько раз приезжал в Кенигсберг. Радовался восстановленным зданиям. Например, Кафедральному собору, – говорит он. – Но, конечно, сегодня это уже совсем другой город. Прежнего Кенигсберга уже не будет.

Сегодня Калининградская область – российский эксклав на Балтийском море, отделённый от основной территории России и зажатый между Польшей и Литвой, двумя странами НАТО. После вступления Финляндии и Швеции в альянс военная обстановка вокруг эксклава приобрела ещё большее стратегическое значение. На фоне российского вторжения в Украину в мае 2026 года глава МИД Литвы Кястутис Будрис [заявил](#), что НАТО располагает возможностями для уничтожения российских систем ПВО и ракетных баз в Калининградской области. В конце сентября Россия, в свою очередь, [предупредила](#) НАТО о готовности применить ядерное оружие в случае попытки изолировать регион от остальной территории страны. Генсек НАТО Марк Рютте [заявил](#), что альянс не видит непосредственной угрозы нападения России на территорию НАТО. При этом, по [данным](#) Минобороны Литвы, 19–25 октября 2026 года истребители НАТО дважды поднимались для опознавания российских военных самолётов, нарушавших правила международных полётов. 19 октября два Су-30СМ летели в международном воздушном пространстве из Калининградской области и обратно без включённых транспондеров, планов полёта и радиосвязи с диспетчерами. На следующий день истребители НАТО перехватили Ил-76, направлявшийся из основной части России в Калининград без поданного плана полёта, но с включённым транспондером и поддерживавший радиосвязь.